

ПОВЫШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО АВТОРИТЕТА И ЗНАЧИМОСТИ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

УДК 316.64
ГРНТИ 04.21.31

МЕНТАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНСЕНСУСА*

Нацун Лейла Натиговна, младший научный сотрудник
ФГБУН Института социально-экономического развития территорий РАН
Россия, Вологда, ул. Горького д. 56а
Email: leyla.natsun@yandex.ru

Аннотация. Ментальные установки населения могут стимулировать либо сдерживать протестные настроения, что влияет на достижение социального консенсуса. В данной работе с использованием результатов социологического опроса населения Северо-Западного федерального округа (СЗФО) проанализировано общественное мнение о государственной поддержке уязвимых слоёв населения, уровень доверия к власти, готовность защищать собственные интересы. Показано, что субъективное ощущение социальной защищённости влияет на готовность людей к участию в протестных акциях и движениях. В заключительной части статьи дана интерпретация полученных результатов и обоснована целесообразность углублённого изучения связи между ментальными установками населения и развитием институтов гражданского общества.

Ключевые слова: социальная защищённость, социальная эксклюзия, социальный консенсус, ментальные установки населения.

Фундаментальную проблему при построении внутренней политики социальных государств составляет обеспечение баланса интересов разных групп общества. При этом важно не только достижение целевых показателей экономического благополучия, но и обеспечение определённого уровня доверия населения к действующей власти, – сохранение её легитимности. Ключевым условием для решения этой задачи является высокая социальная защищённость населения, его уверенность в возможности ведения конструктивного диалога с властью. Социальное исключение (эксклюзия) отдельных групп населения от возможностей защиты своих прав порождает ощущение социальной незащищённости и провоцирует социальное недовольство. Это недовольство может принимать открытую или латентную форму, и, как правило, препятствует достижению социального консенсуса и ослабляет доверие к власти у всех групп населения.

Универсальным источником социальной эксклюзии выступает неравенство в распределении доходов между классами населения.

По словам ведущих экономистов мира, слишком сильное социальное неравенство препятствует экономическому развитию, порождая кризис социального доверия, что ведёт к разрушению социального капитала на фоне концентрации физического и финансового капитала в руках небольшой прослойки общества [1; 2; 4; 5]. Преодоление избыточного социального неравенства – одна из ключевых задач любого социального государства. Её решение обеспечивает доверие общества к действующему режиму власти, сохранение социального консенсуса, способствует социальной интеграции. В стране, следующей принципам социального государства, существует перечень гарантий, позволяющих поддерживать высокое качество жизни людей, подверженных риску эксклюзии. Как правило, в обществе одобряются такие меры государственной политики.

В связи с этим, наличие или отсутствие социального консенсуса в обществе может служить универсальным индикатором качества государственного управления. Проявлениями согласия в данном случае можно считать готовность общества поддерживать проводимую социальную политику, уверенность граждан в наличии эффективных инструментов социальной поддержки и способов общественного влияния на принятие властных

* Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту РНФ №16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества».

решений. В то же время, чтобы составить корректное представление о вкладе государственного управления в достижение социального консенсуса, необходимо учитывать ментальные особенности населения, которые определяют наиболее фундаментальные черты мировосприятия и миропонимания, представления о справедливой форме государственного устройства, о нормах межличностных отношений.

Рассмотрим, какое влияние могут оказывать ментальные установки людей на отношение к государственной помощи уязвимым группам населения. Для российского общества представления о социальной справедливости исторически базировались на убеждении в необходимости поддержки слабых, уязвимых людей. При этом роль источника такой поддержки традиционно отводилась государству. После социально-экономических трансформаций 1990-х гг. в обществе появилась альтернативная точка зрения, согласно которой государство должно отвечать только за создание равных возможностей для граждан, а не за обеспечение социальной справедливости. Соответствующим образом изменилось и отношение части общества к государственной поддержке уязвимых категорий граждан. Гипотеза данного исследования состояла в следующем: чем сильнее в обществе индивидуалистические установки, тем меньшее одобрение получает государственная политика, направленная на социальную поддержку уязвимых граждан. И наоборот, чем более выражены установки на взаимопомощь, тем большую поддержку получает политика государства в сфере социальной поддержки уязвимых групп.

Проследить взаимосвязь между мнением населения о поддержке социально-незащищённых категорий граждан и уровнем консолидации общества позволяют данные репрезентативных социологических исследований. Данная статья акцентирует внимание на ситуации, сложившейся в регионах Северо-Западного Федерального округа (СЗФО). Информационную базу исследования составили результаты социологического опроса населения, проведённого в 2016 г. в регионах СЗФО (Вологодская область, Республика Карелия, Мурманская область, Калининградская область, Новгородская область). Выборочная совокупность составила 3101 чел., из которых в городской местности проживает 80%, в сельской – 20%. Выборка репрезентативная, квотная. Метод проведения опроса – анкетирование респондентов по месту жительства.

Настоящее исследование выполнено в рамках масштабного научного проекта «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально-уязвимых групп населения в интересах модернизации регионального сообщества», поддержанного Российским научным фондом (РНФ). Согласно программе исследования, социально уязвимыми считаются группы населения, «испытывающие эксклюзию, выражающуюся в ограниченном доступе к правам, ресурсам, благам, услугам, или в отношении которых существует риск подвергнуться социальной эксклюзии в ближайшем будущем при отсутствии поддержки социума» [3, с.1-15]. К таковым относятся: многодетные семьи, инвалиды, пенсионеры, молодые специалисты. Сходство этих групп состоит в том, что они ограничены в возможностях социального участия в одной или нескольких сферах жизни общества. Специфика заключается в том, какого рода препятствия встречаются представители выделенных групп.

Изучение отношения общества к представителям уязвимых групп позволяет увидеть, как остальное население реагирует на их социальную незащищённость. Если большинство людей считают своим долгом лично помогать уязвимым категориям населения, очевидно, что наряду с высокой социальной ответственностью в обществе наблюдается дефицит мер социальной поддержки со стороны государства: граждане перестают рассчитывать на помощь государства и ориентируются на взаимопомощь. Такая ситуация наблюдалась, в России в 1996 – 1997 гг. В исследовании О.И. Шкаратана показано, что в этот период в обществе сложилась модель «коллективного выживания», 22% людей, опрошенных автором в тот период, отметили исключительную важность для них взаимной поддержки [6].

Для того, чтобы определить, какая из установок – эгоизм или альтруизм доминирует в обществе, респондентам, проживающим на территории СЗФО, было предложено высказывание, описывающее ситуацию, когда необходимо помочь более слабому человеку, пожертвовав своими интересами: «Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя». С этим высказыванием можно было согласиться или не согласиться, выбрав соответствующую отметку на 11-балльной шкале (0 баллов означал полное несогласие, 11 баллов – полное согласие с утверждением). На основании полученного распределения ответов, были

условно выделены 3 группы респондентов: с эгоистической установкой (17,1% от общей численности опрошенных), с альтруистической установкой (56,1%), а также занимающие «нейтральную» позицию (26,8%).

В целом, большая часть респондентов всех рассматриваемых групп считают, что государство обязано помогать уязвимым слоям населения. То есть, сохраняется установка

на обеспечение социальной справедливости и представление о государстве как об универсальном источнике социальной поддержки для своих граждан. При этом, эгоистической установке чаще, чем альтруистической или нейтральной, сопутствует мнение, что государство не должно оказывать помощь уязвимым группам населения (рис. 1).

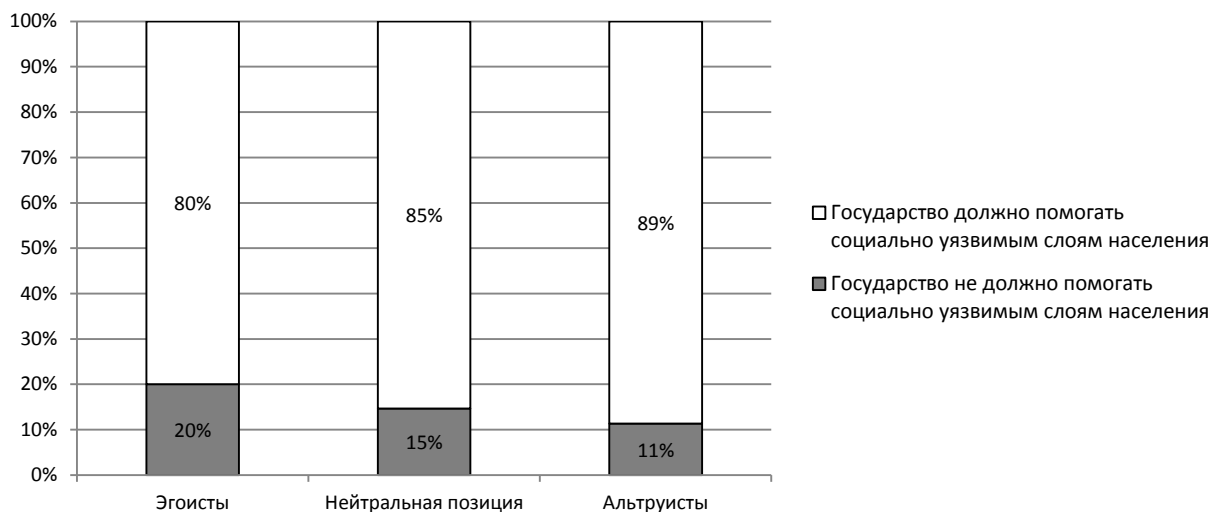

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Кто, на Ваш взгляд, должен помогать социально уязвимым слоям населения?» (показано распределение численности выбравших и не выбравших вариант «государство» по группам в зависимости от преобладающей установки на эгоизм/альтруизм; в % от числа опрошенных)

Возможно, такое распределение обусловлено тем, что в представлениях населения государственная поддержка воспринимается как само собой разумеющаяся социальная гарантия, которая часто становится «спасательным кругом» для людей, оказавшихся в трудной ситуации. Кроме того, оказание государственной помощи предполагает, что респондентам не потребуется жертвовать собственными интересами, в отличие от благотворительных акций. Только 16% респондентов считают, что оказывать помощь уязвимым группам должны общественные организации, 13% указали, что помогать должны члены семьи, 3% полагают, что должна иметь место взаимопомощь между социально уязвимыми гражданами. Из этого следует, что в обществе наблюдается доминирование патерналистской установки («надежда на государственную помощь») и альтруизма по отношению к уязвимым группам, на фоне которых выделяется небольшая доля граждан, ориентированных на решение социальных проблем без вмешательства государства.

Одним из условий, обеспечивающих доверие граждан действующей власти, высту-

пает уверенность в собственной защищённости от основных социально-экономических угроз. Субъективное восприятие степени социальной защищённости может определять также и отношение человека к социально уязвимым группам. Чтобы проверить эти предположения, обратимся к результатам опроса.

Респондентам предлагалось ответить, насколько защищёнными от различных социальных и экономических угроз они себя чувствуют. Для целей настоящего исследования был рассчитан интегральный индекс самооценки социальной защищённости для каждого из исследуемых регионов. Порядок его расчёта включал два этапа. Сначала по каждой из угроз рассчитывались частные индексы самооценки социальной защищённости. Для этого из суммы долей положительных ответов вычиталась сумма долей отрицательных ответов. Затем путём расчёта среднего арифметического 10 частных индексов получали значение интегрального индекса социальной защищённости для каждой территории. Интегральный индекс мог принимать значения в диапазоне от -100 до +100 баллов.

Интерпретация значений производилась в соответствии с пятиступенчатой равноинтервальной шкалой. Значения от -100 до -60 соответствовали низкому уровню, от -60 до -20 – уровню ниже среднего, от -20 до 20 – среднему, от 20 до 60 – выше среднего, от 60 до 100 – высокому уровню самооценки соци-

альной защищённости. Установлено, что наиболее защищёнными от различных угроз себя считают жители Мурманской области, наименее – жители Республики Карелия (табл. 1).

Таблица 1

Распределение значений индексов самооценки социальной защищённости от отдельных угроз и значения интегрального индекса самооценки социальной защищённости по территориям.

Степень защищённости от ...	Вологодская обл.	Респ. Карелия	Мурманская обл.	Калининградская обл.	Новгородская обл.	Среднее по СЗФО
бедности	-37,8	-62,8	-1,7	-27,3	-55,2	-37
преступности	-25,4	-59,8	2,7	-35,8	-36,3	-30,9
произвола чиновников	-24,7	-20,7	-0,2	-22,3	-44	-22,4
экологической угрозы	-10,4	-24	27	-33,7	-35,4	-15,3
произвола правоохранительных органов	-14	-28,2	12	-9,7	-22,1	-12,4
одинокости	-10,9	-27,5	25,1	-1,7	-9	-4,8
преследований за политические убеждения	16,4	28,5	42,5	23	21,5	26,3
притеснений из-за возраста или пола	28,4	37,6	57,2	41,2	32	39,3
ущемления из-за национальности	40	60,3	65,5	50,7	58,2	54,9
притеснений из-за религиозных убеждений	37,8	60,4	63,7	53,3	59,7	55
Интегральный индекс социальной защищённости	-0,06	-3,62	29,38	3,77	-3,06	5,27

Источник: рассчитано автором по собственной методике, по данным опроса «Социокультурная модернизация регионов», 2016, проведённого ИСЭРТ РАН.

Примечания: Интегральный индекс рассчитан как среднее арифметическое частных индексов. Заливкой выделены положительные значения частных индексов.

Характерно, что на всех территориях значения частных индексов социальной защищённости от бедности и от произвола чиновников приняли отрицательные значения, что говорит о преобладании пессимистических мнений относительно данных угроз. Респонденты в Мурманской области по всем частным индексам чувствуют себя более защищёнными по сравнению с жителями других регионов.

Наиболее актуальными угрозами, согласно распределению мнений респондентов по опросу в целом, можно назвать бедность, преступность и произвол чиновников, в меньшей степени – экологическую ситуацию, произвол правоохранительных органов и одиночество. В отдельных регионах ведущие позиции в списке угроз могут различаться. Например, жители Республики Карелия считают, что одиночество может угрожать им с

большой вероятностью, чем произвол чиновников (см. табл. 1).

Предположение о том, что низкая самооценка социальной защищённости сопровождается большей готовностью к протестным выступлениям, в целом, подтвердилось. Об этом свидетельствует, в частности, то, что среди респондентов, ощущающих незащищённость от произвола чиновников, больше тех, кто готов участвовать в агрессивных протестных акциях (10%) и в мирных протестах и забастовках (52%), чем в группе респондентов, не испытывающих аналогичной угрозы. К категории «защищён» отнесены респонденты, ответившие, что «защищены» или «скорее защищены» от рассматриваемой угрозы, к категории «не защищён» – те, кто выбрал варианты «скорее не защищён» или «не защищён». Вклад численности этих двух групп в актуальную выборочную совокупность составил 32% и 68% соответственно (рис. 2).

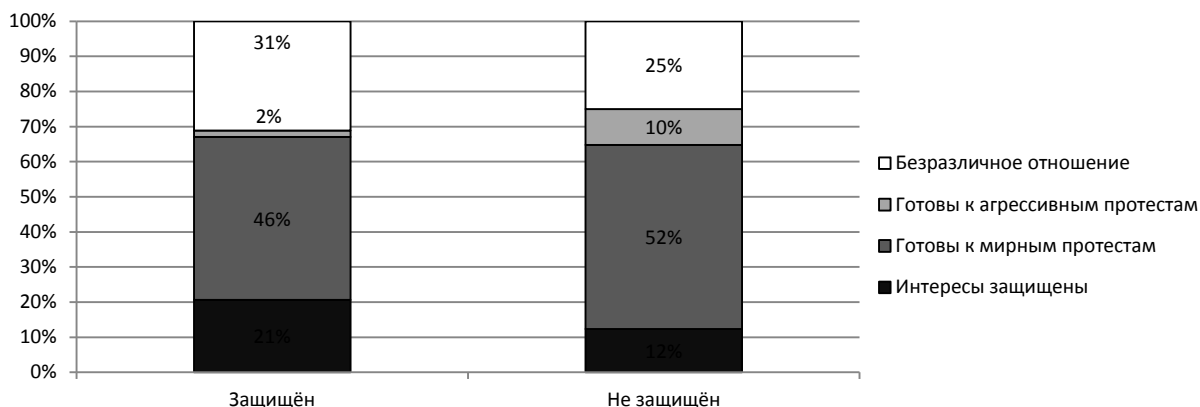

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» (в % от числа опрошенных по категориям «защищён» и «не защищён»).

Примечание: Данные приведены для выборки, не учитывающей затруднившихся ответить на данный вопрос и на вопрос о своей защищённости от произвола чиновников.

Высокая доля тех, кто проявляет безразличие к ущемлению собственных интересов, в обеих группах респондентов свидетельствует о том, что значительная часть населения убеждена в бессмысленности попыток их защиты любым из предложенных способов. О том, что среди населения региона широко распространено ощущение бессилия при защите своих прав, говорит и распределение ответов на вопрос об эффективных способах воздействия на властные решения. В целом по СЗФО, более 30% опрошенных полагают, что таких способов просто не существует. Участие в общественных объединениях признают эффективным только 8% респондентов.

Бедность выступает одним из источников социальной эксклюзии, сокращая возможности людей к участию в общественной жизни. Значительная часть населения СЗФО испыты-

тывает социальную незащищённость от угрозы бедности. Это субъективное восприятие своего социального положения создаёт определённый фон для конструирования отношения людей к практике государственной поддержки уязвимых групп населения. Попытаемся определить, наблюдается ли различие в восприятии этого аспекта социальной политики у респондентов, испытывающих угрозу бедности и не испытывающих таковой.

По данным опроса, значимого различия не наблюдается. Среди респондентов, ощущающих незащищённость от бедности (категория «не защищён»; рис. 3), только на 3% больше тех, кто считает, что уязвимым слоям населения должно помогать государство, по сравнению с респондентами, ощущающими, что защищены от угрозы бедности (рис. 3).

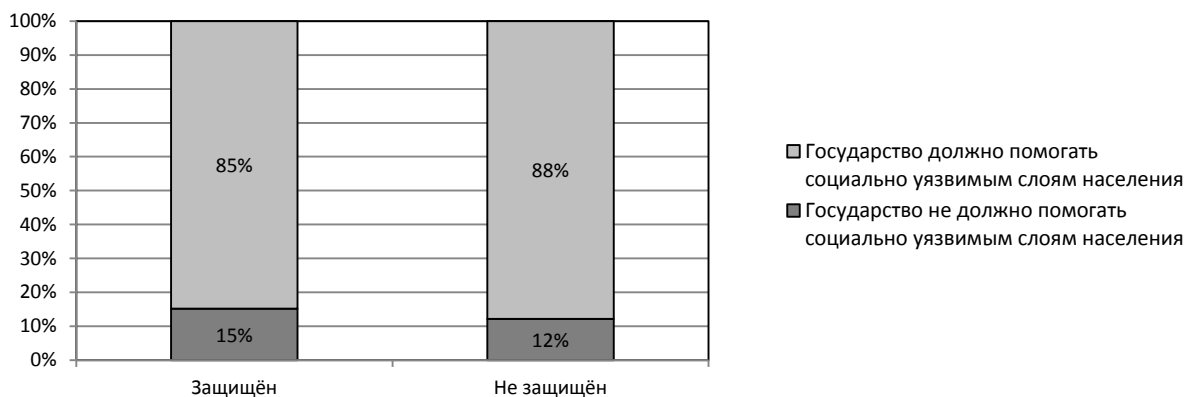

Рис. 3. Распределение ответов респондентов двух групп на вопрос: «Кто, на Ваш взгляд, должен помогать социально уязвимым слоям населения?» по наличию или отсутствию выбора ответа «государство» (в % от числа респондентов соответствующих групп).

Следовательно, формирование установки на патернализм не зависит от наличия или отсутствия у человека опыта социальной уязвимости, а в большей степени определяется психологическими факторами.

На основании проведённого анализа можно заключить, что на отношение населения к государственной поддержке уязвимых групп оказывают влияние не столько внешние обстоятельства жизни, сколько глубинные установки, связанные с представлениями о социальной справедливости, – ментальные характеристики. На доверие населения к власти, напротив, заметное влияние оказывает ощущение людьми собственной социальной незащищённости.

Выявленные особенности свидетельствует о том, что в обществе сосуществует недоверие к власти и готовность мириться с ущемлением своих интересов, с одной стороны, и убеждённость в том, что государство должно, в идеале, выполнять функцию универсального источника поддержки граждан. То есть, можно говорить о том, что созданная модель государственного устройства не отвечает представлениям граждан об идеальном социальном порядке. На этом фоне в представлениях населения сохраняется антагонизм между властью и обществом, о котором свидетельствует неуверенность людей в эффективности любых попыток повлиять на политические решения, используя институты гражданского общества. Таким образом, достигнутый социальный консенсус поддерживается, в том числе, благодаря ментальным установкам населения: ориентации на взаимопомощь, преобладающей установки на патернализм, убеждённости в существовании непреодолимого разрыва между властью и обществом. Условием для сохранения консенсуса служит выполнение государством взятых на себя социальных обязательств. При увеличении доли населения, испытывающего ощущение социальной незащищённо-

сти, может возрастать и совокупный протестный потенциал. Опасность состоит в том, что люди «не видят» альтернатив государственной социальной поддержке ни в общественных организациях, ни в добровольческих движениях, ни в благотворительных и правозащитных фондах. Незрелость гражданской культуры в сочетании с высоким социальным неравенством формирует основной заряд социальной неустойчивости.

Для того, чтобы выйти из этой ситуации, необходимо вести системную работу по развитию институтов гражданского общества и внедрять занятия по гражданской культуре на всех уровнях образовательной системы. Только осознание населением единства интересов общества и власти, возможности влиять на политическую жизнь страны, сопровождаемые повышением социальной защищённости, могут обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие территорий.

Список литературы

1. Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М: Юнайтед Пресс, Альпина Паблишер, 2015.
2. Сакс Дж. Цена цивилизации. М: Издательство Института Гайдара, 2012.
3. Смолева Е.О. Основные подходы к исследованию ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения // Социальное пространство. 2016. № 4. С.1-15.
4. Стиглиц Дж. Крутое пике. М: Эксмо, 2011. .
5. Фукуяма, Ф. «Великий разрыв». Пер. с англ. / Под общ. Ред. А.В. Александровой. М: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
6. Шкаратан, О.И. Социология неравенства. Теория и реальность; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012.